

Маме, которая всегда в меня верила

Пролог

Я оставляю машину примерно в четырех кварталах от нужного места и прохожу оставшееся расстояние пешком. Ее дом спрятался в самом конце улицы; его наполовину скрывают тени, никто и не подумает заглядывать в окна.

Сейчас уже стемнело и плохо видно, но я знаю, что при дневном свете эти стены приобретают оттенок засохшей грязи. Краску не обновляли уже несколько лет, — по крайней мере, с того момента, как она сюда переехала. Крыльцо, к моему удивлению, хорошенько разобрано и подметено. На нем осталась только металлическая подставка с двумя парами ботинок — одной детской, одной взрослой.

Я прохожу мимо воткнутой в заросшую лужайку таблички. Она предупреждает, что дом находится под охраной «Смит-энд-Вессон». Я тихонько усмехаюсь. Никакой пистолет ее не спасет.

Бесшумно всхожу на крыльцо. Большое окно закрыто занавесками, сквозь крошечную щель между которыми пробивается мерцающий желтоватый свет.

Из-за двери слышится негромкая музыка. Уже поздно, но она, как обычно, не спит. Поднимаю руку в темной перчатке и стучу в дверь. Она обтянута мягкой кожей, поэтому звук выходит немного приглушенным.

Она открывает дверь. Невозможно не признать, что она просто великолепна. Ее фигура озарена сиянием свечей. Музыка создает приятный фон, который проступает все лучше. Играет одна из модных унылых групп, кажется, из Сиэттла. Глаза у нее стеклянные; видимо, напилась или обкурилась. Она на секунду замирает.

— А я все думала, — наконец слышу я, — когда же ты появишься. Ну что, заходи.

Прохожу в гостиную. Она спрашивает про мое желание выпить, но я ничего не отвечаю. Она подходит к бару и наливает в бокал красного вина, а затем доликает до краев и себе. Похоже, она выпила уже не одну бутылку.

— Эй, — удивляется она, — а чего это ты в перчатках? Там разве холодно?

Я молчу. Она протягивает мне бокал, но я не двигаюсь с места.

— Не стесняйся, — пожимает она плечами.

После этого она слегка поворачивается, чтобы поставить оба бокала на кофейный столик. В это мгновение я изо всей силы ударяю ее в лицо. Она застывает на месте и роняет свой бокал. Красная жидкость мгновенно заливает светлый ковер. У нее из носа льет кровь; она пошатывается. Я ударяю еще раз. Она наконец падает.

Быстро сажусь ей на грудь. В руке у меня нож. Дыхание, кажется, ускорилося, но руки все еще не

Без следа

дрожат. Разрез получается точным и быстрым. Ее кровь смешивается с алым мерло. Через пару мгновений она истечет кровью; дело сделано.

Вдруг при взгляде на распростертое тело меня охватывает прилив ярости: кровь бешено мчится по венам, в висках яростно стучит. Я высоко заносу нож и как могу глубоко вонзаю его ей в сердце, потом еще и еще. Это продолжается до тех пор, пока я не изматываюсь и не падаю прямо на нее. В этот момент внутри зарождается еще одно неожиданное ощущение. Мне требуется некоторое время, чтобы понять, что это восторг.

Это мое первое убийство, но я сразу понимаю, что оно будет далеко не последним.

Я поднимаюсь и засовываю нож в задний карман. Затем выхожу в прихожую и прислушиваюсь, не скрипит ли лестница под чьими-нибудь шагами. Стоит полная тишина. Возвращаюсь в гостиную, где все еще играет музыка. Огоньки свечей бросают на стены причудливые тени. Подхожу к светлому кожаному дивану, оглядываю безжизненное тело на полу и улыбаюсь. После этого устраиваюсь поудобнее и принимаюсь ждать.

1

ДЖЕССИКА

Джессика Шо уставилась на фотографии. Большинство людей на них наверняка были уже мертвы или очень хотели, чтобы их больше никто никогда не нашел. Она прищурилась — в окно било закатное калифорнийское солнце — и придвинулась поближе к своему макбуку, чтобы не упустить ни одной детали.

Вот мать семейства, посреди бела дня пропавшая из собственного дома. Вот мужчина средних лет — вышел на работу, но так и не доехал до офиса. Вот девчонка, не вернувшаяся после школы. Таких историй можно было насчитать сколько угодно. Люди как будто просто без следа растворялись в воздухе. И оказывались мертвыми. Или не хотели, чтобы их нашли.

По мнению Джессики, большинство пропавших взрослых можно было отнести к одной из двух категорий. Все предельно просто, как в казино, где-либо красное, либо черное. Здесь тоже — либо труп, либо как-нибудь объявится. Семи лет в качестве частного детектива (пять в Нью-Йорке и два где придется)

вполне хватало, чтобы на глаз определять, что выпадет в этот раз.

Джессика продолжила мысленно помечать фотографии красным и черным, как вдруг у нее над ухом послышался голос официантки. Девушка быстро закрыла ноутбук. Работать в придорожном ресторанчике, ясное дело, было не лучшей идеей. Но ей нравилось думать о подобных местах — торговых центрах, отельных номерах, закусточных на заправке, да где угодно, черт побери, где есть сеть, — как о своем временном кабинете. В такие моменты ей переставало казаться, что она пытается от чего-то убежать.

Сегодняшним кабинетом оказался ресторанчик в Сими-Вэлли, приятном городке на юго-востоке округа Вентура. От Лос-Анджелеса до здешних мест было миль тридцать. Сими-Вэлли славился тем, что в девяносто втором году здесь судили Родни Кинга, а двенадцать лет спустя похоронили Рональда Рейгана.

Наконец (правда, Джессика этого еще не знала) здесь ее судьбе было суждено навеки измениться.

В этой забегаловке она была первый раз, но видела уже миллион практически таких же. У владельца явно не было ни обширного бюджета, ни высоких ожиданий: ряд барных стульев перед липким прилавком, пончики, подсыхающие под заляпанным чьими-то руками стеклом, затянутые в бледно-голубую форму официантки в теннисных туфлях с натянутыми улыбками выдают очередные порции кофе. Как раз одна из таких теперь нависала над Джессикой:

— Что берем?

Она нетерпеливо постукивала по блокноту наращенным пунцовым ногтем, как будто не могла до-

ждать, когда сможет вернуться в какое-нибудь куда более важное место.

Джессика бросила взгляд на меню, внутри которого пестрели изображения бургеров и кусков пиццы. Заметив пароль от сети, она двинула пальцами по тачпаду, а затем снова принялась изучать список блюд. Раздел закусок покрывало какое-то жирное пятно. Время шло к вечеру; обычно в этот момент она начинала собирать вещи и размышлять, куда двинется дальше. Лос-Анджелес? Сан-Франциско? Сан-Диего?

Она заказала сэндвич с жареным сыром и чашку эспрессо. Было вовсе незачем заставлять официантку ждать, пока она выберет что повкуснее. Это же, черт побери, не «Ритц».

— Сэндвич будет готов через пять минут, — объявила официантка, — кофе сейчас принесу.

Джессика снова открыла ноутбук и принялась украдкой следить за ней. Эту свежевыкрашенную в огненно-рыжий женщину лет сорока, как гласил покосившийся на объемном бюсте бейджик, звали Нэнси. Груды у Нэнси, несмотря на близость места ее работы к Тинсельтауну и его именитым пластическим хирургам, были вполне настоящие; впрочем, это не мешало им максимально неприлично подпрыгивать в попытках вырваться из-под тесной униформы.

Джессика вернулась к работе. Заправив за ухо короткую прядь светлых волос, она зашла в почтовый ящик. За все утро там не появилось ни одного нового письма.

Она ожидала чего угодно — заявок от обезумевших родителей или опечаленных супругов, отчаяв-

шихся найти своих близких; запросов на слежку за кем-нибудь подозрительным; да в конце концов, просьб о разоблачении неверных супругов (для такого обычно требовалось пофлиртовать с кем-нибудь в баре, а затем подтвердить жене, что она и вправду выбрала самовлюбленного вруна). Но в почте было хоть шаром покати.

Впрочем, на такое она обычно и не смотрела, пока не становилось совсем уж тяжело. А тяжело не было уже достаточно давно, во всяком случае, с того дня, как закончились страховые деньги и ее дом выставили на аукцион. Сегодня она скорее бы посоветовала жертве измены потратиться на хорошего адвоката для развода, чем обращаться к ее услугам.

Решив, что новостей на сегодня не предвидится, Джессика вернулась к сайту с объявлениями о пропавших людях. Просматривая его, она мигом сжевала прибывший сэндвич и уже начала лениво раздумывать о том, не заказать ли и еще один из залежавшихся пончиков, но тут в углу экрана с приглушенным звоном появилось уведомление. Сформулировано все было кратко и четко. Джессика откинулась на спинку сиденья и глубоко вздохнула, абсолютно забыв о десерте.

— Может быть, — окликнула она Нэнси, — вы это снимете?

Официантка выглянула из-за прилавка, за которым она вываливала в кассу скопившуюся мелочь:

— А, милочка, ты что-то сказала?

Джессика кивнула в сторону постера, прикрепленного к стене за спиной Нэнси. Сверху на листке было крупными кроваво-красными буквами напечатано

«ПРОПАЖА», снизу помельче черными — «Вы видели этого человека?» Бумага переливалась всеми цветами радуги. Такие же объявления Джессика за последние дни замечала во всех барах и ресторанчиках, на витринах и фонарных столбах. На фотографии была изображена не улыбочивая девушка азиатской наружности с сияющими черными волосами и темными глазами. Выражение лица у нее было такое, как будто фотограф, кем бы им ни был, чертовски ее раздражал.

О пропаже двадцатиоднолетней студентки по имени Эми Онг заявила ее соседка, сообщившая, что девушка не вернулась домой после субботнего свидания. Эми была молода, красива и умна. Это в какой-то мере поспособствовало тому, что вскоре ее фото появилось во всех газетах и на всех лос-анджелесских телеканалах. Другим девушкам везло меньше; обычную девчонку могли лишь мельком упомянуть в каком-нибудь захудалом журнальчике.

— Снимите это, — повторила Джессика.

— Ой, ее нашли, что ли? — Нэнси с надеждой изогнула нарисованные брови, насколько это позволял ботокс. — Надеюсь, она просто развлекалась с каким-нибудь парнем и у нее сел телефон! Такое постоянно случается. Кому, как не мне, знать — у меня детки одного с ней возраста.

— Она мертва.

Лицо женщины сморщилось.

— Личность еще не подтвердили, — добавила Джессика, — но все указывает на то, что это Эми. Судя по новостям, копы считают, что это убийство.

Рука Нэнси взлетела ко рту, а накрашенные глаза судорожно расширились:

— Убийство? Боже милосердный, бедная девочка.

Она горестно покачала головой и отвернулась, начав аккуратно — чтобы не повредить ногти — отдиравать державшие листок полоски скотча.

Итак, если человек пропал, значит, он, скорее всего, либо мертв, либо не хочет, чтобы его нашли.

Теперь Эми Онг принадлежала к числу первых. Ее полная надежд и планов жизнь оборвалась в мгновение ока. Джессика задумалась, не обратятся ли к ней с просьбой о расследовании этого случая, но дело было явно тупиковое. Обычно она предпочитала что-нибудь чуть уже подзаброшенное, со следом остывшим, словно бутылка пива прямоком из холодильника. Случай Эми Онг не забудут еще долго.

Пора было двигаться дальше. Можно было подбросить монетку (орел — на север, решка — на юг) или выбрать что-нибудь поинтереснее с сайта о пропажах и поехать прямоком на место преступления.

Джессика помахала Нэнси, чтобы та еще раз наполнила ее чашку, и продолжила прокручивать ряд фотографий, надеясь, что чье-нибудь лицо наконец привлечет ее внимание. Она чувствовала себя как распалившийся холостяк, пролистывающий сайт знакомств в поисках девушки на вечер.

Джанин Соломон, семнадцать, белая, женщина.

Срок давности: 2 месяца. Место пропажи: Олбани, Нью-Йорк.

Ну уж нет, в Нью-Йорк она больше ни ногой. Джессика промотала объявление.